

Семь дней. — 2003 —
10-16 нояб. — с. 78 — 81

ПАВЕЛ ЛУСПЕКАЕВ И ЕЕ БЛАГОРОДИЕ ГОСПОЖА УДАЧА

После визита в Ленинград Лоуренс Оливье говорил: «В России, в БДТ, есть один актер — абсолютный гений! Только фамилию его произнести невозможно»... Эта непроизносимая фамилия — Луспекаев. Позже Павла Луспекаева, уже безногого и безработного, Олег Ефремов стал уговаривать переехать в Москву и поступить в «Современник». «Олежка, дорогой ты мой человек! Ты посмотри на меня внимательно! Да если ТАКОЕ выйдет на твою сцену, весь твой «Современник» рухнет!»...

Луспекаеву было тридцать, когда на ногах появились незаживающие язвы. — Газовая гангрена, — определил врач. — Учитывая обстоятельства вашей юности — ничего удивительного! Придется ампутировать.

— Что, обе ноги?

— Обе.

— Друг, да нельзя мне этого! Ну сам подумай, кому к черту нужен безногий актер? Нет, лучше уж слохнуть!

— Хорошо. Давайте попробуем обойтись ампутацией пальцев правой ноги. Но учтите, риск большой!

Луспекаев только ухмыльнулся. Да что этот чистопля-хирург знает о риске! Вот он — сын армянина из Нахичевани и донской казачки (смесь весьма взрывоопасная) — рисковал всю жизнь, и, как правило, ему

везло. В родном Луганске, мальчишкой, он отчаянно дрался, так что однажды ему ткнули раскаленным металлическим прутом в лицо — меньше, чем в сантиметре от глаза. А в шестнадцать лет убежал из дома в партизанский отряд — шел 1943 год... В одном из разведывательных рейдов Паше пришлось часа четыре неподвижно пролежать на снегу, и он сильно обморозил ноги — с тех-то пор кровь по сосудам и не могла проходить нормально. А однажды в ближнем бою юного Луспекаева тяжело ранили в руку разрывной пулей. В саратовском военном госпитале ему уже вкатили наркоз — ампутация казалась единственным способом сохранить Паше жизнь. Каким-то немислимым усилием воли он выглыб из беспомощности и не позволил хирургу дотронуться до своей руки, пока тот не поклялся попробовать обойтись без ампутации. И ничего, зажила рана, даже следа на руке почти не осталось! «Ну и счастличик ты, парень! Любит тебя удача!» — сказал изумленный врач тогда, в 1943 году. С тех пор Павел верил в свою удачу...

Но на этот раз удача от него отвернулась... Через месяц после того, как Луспекаев остался без пальцев правой ноги, стало очевидно, что нужно ампутировать и пальцы левой. С тех пор Пашу так и «резали по частям»: третья операция лишила его стопы одной ноги, четвертая — стопы другой. Боли были нечеловеческие, и Луспекаеву выписали обезболивающий наркотик пантопон. Около года Павел жил в полубреду. «Мне противно что-то писать, в течение суток уколол 16 кубиков. Я погряз в этой мрази и хочу, чтобы быстрее наступил конец», — записал он в дневнике.

Луспекаев был человеком часто и крепко пьющим, он и не помышлял бросить. А

Ученик ремесленного училища Павел Луспекаев. 1940 г.

вот перспектива наркомании его страшно пугала, и Павел решил бороться. «Люди! Я боюсь даже верить, но через три часа будет трое суток, как я сделал последний укол. Муки адавы я прошел... Терплю! Через восемь часов будет четверо суток. Вымотало страшно, ничего не ем — ослаб, ужасно устал». Невероятно, но Луспекаев победил: «Самому не верится! Пантопончики — тью-тью! Будь они прокляты!» Другая радость: министр культуры Фурцева специально для Луспекаева выписала из Франции дорогие протезы, и Паша смог встать, а со временем — даже ходить. «Повезло тебе! С таким диагнозом, да на ноги встать!» — сказал врач. Но самое невероятное везение еще ждало Луспекаева впереди.

БЫТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ

— Ты, Миша, знаменитость! А я популярным артистом был только однажды, — жаловался Луспекаев Михаилу Козакову. — В Ленинград привезли один западный бое-

вик; все, конечно, бегали смотреть. А вместо киножурнала приклеили к нему меня: после пожара, возникшего из-за непотушенной сигареты, прямо в камеру тычу и говорю: «Это должен помнить каждый!» И зачем я только снялся в этой агитке?! Видно, деньги были позарез нужны. В общем, на каждой репетиции шуточки: «Помним, Паша, помним. Дай, кстати, закурить». Вот и вся моя популярность... Не везет мне! А ведь раньше считал себя счастливым: во все лотереи вечно выигрываю, дом завален сувенирной дрянью, так что жена ругается! В театре, если есть что разыграть, никто даже не хочет жребий тянуть — все равно, мол, Луспекаеву достанется! А сколько раз я на гастролях в рулетку выигрывал и всю труппу в ресторане кормил! Но вот в главном — не везет, хоть ты тресни! Тебе-то хорошо, в приличных фильмах снимают, на всю страну знаменит...

— Паша! Про тебя, между прочим, сам Лоуренс Оливье сказал, что ты — гений, а вот про меня он ничего не говорил...

— Ну да, сказал. А для миллионов зрителей, которые в БДТ не ходят, я считаю что никто. Вот скажи: когда тебя все-все узнают, это же приятно?

— Чувствую все это, Паша! Знаешь, как у Пастернака: «Быть знаменитым некрасиво... Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех...»

— Да что вы все, Юрские, Козаковы и прочие Рецепторы, чудите со своими стихами! Врет твой Пастернак! Быть знаменитым приятно! Вот смонтируют «Белое солнце пустыни», тогда посмотрим! Может, я тоже знаменитым стану, не хуже тебя!

В актерской среде уже давно ходили удивительные слухи, что безногий Луспекаев снимается в настоящем боевике и обходится без дублеров даже в сценах рукопашных схваток! Как такое возможно — никто не понимал, и все с нетерпением ждали выхода картины.

Прошло несколько месяцев. Мартовским солнечным, счастливым днем 1970 года к Козаковым приехал Луспекаев — в

Верещагин (Павел Луспекаев) и Петруха (Николай Годовиков). Кадр из фильма «Белое солнце пустыни»

ВЧЕРА - ПО НАИТИЮ, СЕГОДНЯ - ПО НАУКЕ

пальто с бобровым воротником, в широкой белой кепке-аэродроме (недаром по документам он числился армянином), совершенно трезвый. В руке — три билета в кинотеатр «Москва» на «Белое солнце пустыни»: «Бери дочку, Миша!»

Всю дорогу Павел нервничал:

— Нет, Михаил, тебе не понравится. Вот дочке твоей понравится. Катька, тебе нравится, когда в кино стреляют?

— Паша, я тоже люблю, когда в кино стреляют, — успокаивал Козаков.

Фильм начался. За кадром зазвучал мотив песни Окуджавы и Шварца («Ваше благородие, госпожа Удача»). Паша просил: «Моя темочка! Хороша?» На экране крупно — ставни, сквозь щель в них — огромный глаз Верещагина. Луспекаев в восторге, толкает Козакова локтем: «Смотри, какой у НЕГО глаз!»

«Узнают! Все узнают!» — ликовав Павел

С Татьяной Лавровой Луспекаев снимался в фильме «Вся королевская рать». В итоге его роль сыграл Георгий Жженов

после просмотра. Он не шел — летел, против обыкновения почти не опираясь на свою неизменную палку. Эта палка была довольно приметной: толстая, тяжелая, с затейливым орнаментом. Луспекаев привез ее со съемок «Белого солнца» и считал своим талисманом: «Это особенная палка! В ней — вся моя удача! Я с этой палкой много километров по пустыне прошел. Чувствую, если потеряю, ей-богу уму!»

НЕВОЗМОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

От гостиницы, где жила съемочная группа, до места съемок проехать нельзя было ни на чем — любые колеса вязали в песке. В районе песчаной горы Сары-Кум — сплошные барханы, курящиеся под порывами ветра. Изредка пробежит, загнув хвостик, ящерица-круглоголовка — другой живности здесь не водится. Солнце жарит немилосердно, тени нет никакой. И вот под этим солнцем каждый день полкилометра туда и полкилометра обратно, утопая в барханах, вышагивал безногий Павел Луспекаев, опираясь на хрупкое плечо жены Инны и еще — на ту самую палку. Ее вырезал для Паши один умелец-каскадер (в группе Луспекаева все обожали) и объяснил: «Видишь, Паша, этот узор? Такой

встречается на коврах. По местным поверьям он приносит удачу».

После съемочного дня актер шел на берег Каспия, разувался, опускал ноги в воду и сидел часами: боль понемногу уходила. Иногда он привязывал к тому, что осталось от его ног, металлические плавники и уплывал от берега километра на два. «Паша, а если утонешь?» — говорили ему. «Утону — вспоминайте». — «Ты просто невозможный человек!»

«Невозможным человеком» Пашу называли давно, и о его «подвигах» ходили анекдоты далеко за пределами товстоноговского театра. Владимира Мотыля отговаривали приглашать Луспекаева: «Напьется, покалечит кого-нибудь или сам покалечится, сорвет тебе съемки!» И ведь чуть было не сорвал: поссорился с местными жителями в махачкалинской пивнушке, заработал ножевую рану, и, как назло, на лице! Никакой грим не спасал. Мотыль подумал-подумал и... наспех сочинил эпизод: «Аристарх, договорись с таможеней!» — велит Абдулла. Аристарх немного промахивается, и пуля, которая должна была навеки успокоить мятежного Верещагина, лишь рассекает ему бровь — глаза лихого таможенника наливаются яростью. Счастливчику Луспекаеву все сошло с рук. Впрочем, как всегда.

На этого большого ребенка просто невозможно было обижаться!

...Олег Басиллашвили, друживший и содействовавший с Луспекаевым по лестничной клетке в Ленинграде, рассказывает, как однажды уговаривал Пашу бросить пить. Тот выслушал, покивал разумно. Но не прошло и нескольких часов, как Басиллашвили нос к носу столкнулся с крепко выпившим Луспекаевым в ресторане. Олег Валерианович укоризненно покачал головой, Павел взбеленился. Слово за слово, и вспыхнула страшная ссора, так что Паша даже запустил в друга невесть откуда взявшимся ножом. Слава Богу, не попал — нож вонзился в стену. Ночью Луспекаев покаянно стоял перед Басиллашвили на коленях. Словом, дружба не пострадала...

...«Паша, — уговаривал его представитель администрации БДТ, когда на гастролях в ГДР немецкие актеры пригласили ленинградских коллег в ресторан, заказали бутылочку шнапса, — держи себя в руках! Не пей! Совсем не пей! Бога ради, давай обойдемся без международного скандала. И никаких драк — ну пожалуйста, ну умоляю! Просто сядь скромно в уголок и молчи! Было бы идеально, чтобы тебя там вообще никто не заметил и не запомнил, ты понял меня, Паша?» Но сделать так, чтобы его не заметили, — это было выше Пашиных возможностей! Попробуйте предложить остаться незамеченным Гулливеру в стране лилипутов... И, конечно, стоило Луспекаеву войти в ресторан — в плечах кося сажень, глаза яркие, горячие, светлый костюм цвета кофе с молоком, бабочка цвета шоколада, — все стали смотреть в основном на него одного. Луспекаев взялся говорить тост: «В замечательном городе Берлине, чистом, красивом, где даже в гостиничных номерах — легчайшие пуховые перины...» И так далее, и тому подобное. Закончил неожиданно: «Моя бы воля, построил бы вас в ряд, вывел в чисто поле — и из пулемета, из пулемета»... «Ты невозможный человек, неуправляемый, непредсказуемый, совершенно дикий», — выговаривали потом Луспекаеву. «Ну не могу я слышать их поганую немецкую речь! — оправдывался Паша. — С самого 43-го года не могу. Уж вы меня простите, дорогие мои!»

«Дорогие» прощали, усвоив раз и навсегда, что жить разумно, размеренно Лус-

С Татьяной Дорониной в спектакле «Варвары» (БДТ). 1959 г.

пекаев просто не умеет. Прямая дорога была для него невыносима, он передвигался по жизни исключительно зигзагами: от безудержного, безобразного разгула — к такому же безудержным слезам раскаяния, и обратно. От пьянящего чувства собственного везения к столь же безоговорочному ощущению себя неудачником. Понятно, что родные с Пашей намучились — и прежде всего жена, верная Инна.

БЕДНАЯ ИННА

Они поженились еще в «Щепке» — Инна Кириллова училась на два курса старше Луспекаева и, говорят, подавала большие надежды. Гордая, красивая, образованная, подтянутая и строгая, с длинной косой (ни дать ни взять гимназистка дореволюционных времен) — она поразила воображение Паши Луспекаева. Он и представить себе не мог, что такая барышня сможет полюбить его — большого, дикого, неотесанного... А вот поди ж ты, полюбила! Повезло Паше! А через месяц после свадьбы он, влюбленный и счастливый молодожен, благоговейно перед своей прекрасной женой, вдруг пропал из дома на неделю. Оказалось — загулял с какой-то случайной девицей из Ростова... Просто такие — развязные, загульные, пусть продажные, зато развеселые — нравились Луспекаеву не меньше «гимназисток». Человек крайностей, человек зигзага, что с него взять! Конечно, Паша вернулся, и валялся в ногах у жены, и бил себя в грудь, и каялся... Инна простила, как потом еще много раз простила. А Павел частенько плакал пьяными слезами на чьем-нибудь случайном плече: «Моя Инка — святая! А я подлец!»

Инне прочили карьеру в одном из столичных театров. А вот о том, чтобы Луспекаева оставить по распределению в Москве, не было и речи, даром что он считался самым талантливым студентом курса! Его южный говорок был неистребим, но дело даже не в этом. Просто своей неотесанностью Паша вечно ставил столичных жителей в тупик. Однажды, курсе на третьем, он получил по мастерству «четверку» вместо «пятерки» и, оскорбленный, посреди ночи поехал скандалить к мастеру курса, профессору Зубову на дачу. Стал стучать кулаком по воротам, переполошил соседей, кто-то выскочил с берданкой... Через час перед сер-

дитым Зубовым коленопреклоненный Павел слезно голосил: «Отец родной, прости! Ты для меня дороже всех, я за тебя землю есть стану» — и, недолго думая, отправил пригоршню чернозема в рот. «С этим студентом невозможно работать», — жаловалась чопорная, пожилая учительница танцев. Она ведь не знала, что у Луспекаева болят ноги, и без конца делала ему замечания: «Молодой человек, легче прыжок». Павел застенчиво улыбался, басил: «Спасибо, мамаша! Постараюсь» — и по-своему хлопал ее по плечу. Он всегда и со всеми разговаривал на «ты». Словом, Луспекаев от греха подальше распределили в Тбилиси — в Русский драматический театр. Вместе с ним туда отправилась и молодая жена с новорожденной дочерью Ларисой

В Тбилиси Инне доставались роли героинь, а вот в Ленинграде, в БДТ, куда мужа со временем пригласили работать, уже была «бабой у воды» — так в театре называют тех, кто выходит в массовке. Кстати, после смерти Луспекаева Инну вообще перевели в швейцарский цех, а потом и совсем уволили... Да и о какой карьере может идти речь, когда все силы забирали заботы о дочери и о «большом младенце», за которого Инну угораздило выйти замуж. То у Паши не выходит роль и он впадает в безумство («О, дух, приди, приди!» — кричал однажды Луспекаев, начитавшись Гёте и восприняв историю с проданной душой совершенно буквально. Дух не явился, и Павел заплакал: «Никому-то я не нужен!») То он до полусмерти напьется, то подерется с кем-нибудь, то влюбится...

Еще в Тбилиси начинающий актер Луспекаев пленился зефирной, святающей, белоснежной красотой гастролирующей московской звезды Аллы Ларионовой. Слонялся за ней как тень, похудел даже... Но только Алла поклонника не замечала: ее плотной стеной окружали богатые грузины на дорожных машинах, с корзинами цветов... «Не везет мне в любви», — вздыхал Павел, и был не прав. Через несколько лет, уже в Ленинграде, он взял реванш: узнав, что Алла в городе, просто взял и завалился к ней в гостиницу «Европейская», да так и не выходя из ее номера целых три дня. Кому-то из приятелей Луспекаев рассказал: «Я сто раз перещеловал каждый пальчик на ее ногах». Тем временем жена сходила с ума от

Дочь Луспекаева Лариса после окончания исторического факультета ЛГУ занимается гостиничным бизнесом. Ее дочь Даша, как и положено «внучке Верещагина», учится в Таможенной академии

тревоги, донимая Товстоногова вопросами: не появлялся ли Паша в театре? Георгий Александрович отмахивался в досаде: «Небось приехал из Москвы закадычный другок Весник, вот твой Паша и загулял, чтоб им обоим пусто было!»

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

С Евгением Весником Луспекаев подружился еще в Щепкинском училище. Их сроднило сходство судьбы — оба воевали и потому были куда «взрослее» своих ровесников. И ближе друга, чем Весник, у весьма общительного Луспекаева за всю жизнь не было...

В последний раз они виделись в конце 1969 года: бродили ночью по безлюдному Невскому проспекту. Присели на скамеечку около Гостиного двора, Паша пристроил рядом свою знаменитую палку. Подошла компания молодых людей: «Спички есть?» — «Есть. Пожалуйста». Молодежь покурила и пошла своей дорогой. Собрались идти и Луспекаев с Весником. «А палка?» — спохватился Павел. Палки не было. Дорогой в такси он тихо плакал. «В этой палке — вся моя удача. Потеряю — ей-богу умру!» — как на грех вспомнилось Веснику.

Вскоре Луспекаев уехал в Москву —

сниматься с Козаковым в фильме «Вся королевская рать». Михаил Михайлович вспоминает, как 17 апреля 1970 года в час дня Павел позвонил ему из своего номера в гостинице «Минск» (в те дни снимались сцены без участия Луспекаева):

— Вот сижу тут в номере модерн. Как ни повернусь, все обо что-нибудь задеваю. Мне в «Пекине» больше нравилось, просторней...

— Паша, ты где вчера был? Я тебе целый день звонил.

— А, приятелей из Еревана встретил. Потом расскажу. Скучно в номере сидеть! Сейчас Танюшке Лавровой позвоню, попрошу кефиру принести. Жаль, ты занят. У тебя какая сцена? С Ефремовым? Ну ладно, а завтра мой черед.

Через два часа кто-то пришел на съемочную площадку и сказал, что Луспекаев умер. Разрыв сердечной аорты. Со дня премьеры «Белого солнца пустыни» прошел один месяц. Ни рассказать о себе в интервью, ни попозировать фотографам, ни привыкнуть к собственной популярности Луспекаев не успел. И все же один месяц настоящей славы. Ее Благородие госпожа Удача ему подарила! Пожалуй, Павел Луспекаев все-таки был счастливым...

Ирина ЛЫКОВА